18+

Жан-Батист Кревье

История римских императоров от Августа до Константина

Том 9. Преодоление кризиса III века

Жан-Батист Кревье

История римских императоров от Августа до Константина. Том 9. Преодоление кризиса III века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71893837
ISBN 9785006591370

Аннотация

Эпоха Констанция Хлора и Константина Великого стала поворотной для Рима: преодоление кризиса III века, переход к централизованной власти и начало христианской эры. Их правление заложило основы Византийской империи и европейского средневековья.

Содержание

Констанций хлор 5
Книга первая 5
Константин 17
Книга первая 17
§ I. Константин – великий государь, но не без недостатков 17
Конец ознакомительного фрагмента. 60

История римских императоров от Августа до Константина
Том 9. Преодоление кризиса III века

Жан-Батист Кревье

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кревье, 2025
© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-9137-0 (т. 9)
ISBN 978-5-0065-8411-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Констанций хлор

Книга первая

ЛЕТОПИСЬ ПРАВЛЕНИЯ КОНСТАНЦИЯ ХЛОРА

КОНСТАНЦИЙ V – ГАЛЕРИЙ МАКСИМИАН V. ОТ ОСН. РИМА 1056. ОТ Р. Х. 305.

Констанций и Галерий становятся Августами 1 мая, после отречения Диоклетиана и Максимиана.

Римская империя действительно разделена между ними, но неравномерно. Констанций сохраняет свой удел, то есть Галлию, Испанию и Британию. Галерий управляет Иллирией, Фракией и Малой Азией лично; Италией и Африкой – через Севера; Востоком – через Максимина.

Счастье подданных Констанция. Тираническое правление Галерия.

Он удерживает при себе Константина, которого исключил из достоинства Цезаря и который был препятствием его планам. Он пытается различными способами погубить его.

КОНСТАНЦИЙ VI, АВГ. – ГАЛЕРИЙ МАКСИМИАН VI, АВГ. ОТ ОСН. РИМА 1057. ОТ Р. Х. 306.

Константин бежит из Никомедии и присоединяется в Галлии к своему отцу, который готовился отправиться в Британию.

Успехи, одержанные Констанцием над пиктами, народом, имя которого впервые появляется здесь в истории.

Констанций умирает в Йорке 25 июля, оставив нескольких детей, но назначив Константина единственным преемником.

Константин провозглашён Августом в тот же день армией.

После отречения Диоклетиана и Максимиана Римская империя управлялась двумя Августами и двумя Цезарями: Констанцием, Галерием, Севером и Максимином. Я ставлю Констанция первым, потому что он был старшим среди этих четырёх правителей. Он всегда имел старшинство над Галерием как Цезарь и сохранил его как Август. В консульстве, которое они совместно занимали в 306 году от Р. Х., Констанций назван перед Галерием.

Но первенство, которым пользовался Констанций, было лишь первенством чести. Далеко ему было до того, чтобы унаследовать власть Диоклетиана, как он унаследовал его место. Честолюбивый Галерий, который не мог выносить превосходства князя, которому был всем обязан, был далёк от того, чтобы подчиняться тому, кого считал своим равным. Он даже презирал мягкость Констанция, как я уже отмечал: и, поскольку чувствовал в себе больше дерзости, считал себя скорее созданным для того, чтобы командовать им, чем для того, чтобы получать от него приказы. Констанций, со своей стороны, был настороже против такого коллеги и боялся его; таким образом, между этими двумя правителями не было ни

единства, ни согласия. Тогда, как замечает Евсевий [1], империя впервые действительно разделилась, потому что часть, подчинявшаяся Констанцию, хотя и считалась по-прежнему членом единого целого, на деле почти не имела больше связи с частью, признававшей Галерия, чем два соседних государства, находящихся в мире друг с другом.

Раздел был крайне неравномерным. Мы видели, что Галерий принял предосторожность, назначив Цезарей, которые находились в его зависимости. Таким образом, хотя есть некоторые указания на то, что Север был предназначен играть по отношению к Констанцию ту же роль, которую сам Констанций играл по отношению к Максимиану, в действительности этот Цезарь получал приказы от Галерия. Констанций сохранил только свой прежний удел – Галлию, Испанию и Британию. Галерию досталось всё остальное, и он управлял Иллирией, Фракией и Азией лично, Италией и Африкой – через Севера, Востоком и Египтом – через Максимина.

Народы, подчинённые законам Констанция, могли считать себя счастливыми. Он уже обеспечил их благоденствие, находясь в ранге, который обязывал его к некоторой зависимости. Когда же он стал отвечать за свои действия только перед собой, он умножил общественное благополучие, полностью раскрыв всю мягкость и доброту своего характера. Гонения на христиан полностью прекратились в землях, подвластных ему; и пример справедливости Констанция был

воспринят Севером, который, вероятно, считая себя обязанным проявлять к нему уважение или, возможно, сам испытывая отвращение к жестокостям, совершаемым над столькими невинными, даровал мир церквям Италии и Африки.

В целом все подданные Констанция наслаждались спокойной и счастливой жизнью под властью приветливого, близкого к народу правителя, который желал, чтобы города и частные лица богатели под его управлением, и который открыто заявлял, что предпочитает видеть деньги государства распределёнными между многими, чем собранными в одной казне. В связи с этим принципом вспоминается соответствующий эпизод, который я рассказывал о нём при Диоклетиане. Этот добрый правитель, уверенный в том, что его любят и уважают за его добродетели, был настолько далёк от роскоши и так ценил простоту, что, когда ему приходилось устраивать большой пир, он одалживал серебряную посуду у своих друзей для сервировки стола.

Счастье этих благополучных провинций становилось ещё дороже для них при сравнении с бедствиями, которые терпели области, подвластные Галерию. Нет ничего ужаснее описания, которое мы находим у Лактанция [2], тирании этого варварского правителя. Ему было мало подражать роскоши персидских царей и желать, подобно им, быть обожествляемым и повелевать лишь рабами. К самому отвратительному деспотизму он присоединял жестокость, превосходившую жестокость Нерона. Самые ужасные казни применялись

им за малейшие провинности, и это без различия рангов или лиц. Он предавал кресту и огню самых знатных вельмож. Простое отсечение головы было милостью, которая оказывалась лишь тем, кого важные заслуги делали достойными. Знатных дам запирали в мастерские рабынь, чтобы принуждать их к тяжёлому труду. Галерий находил жестокое удовольствие в том, чтобы бросать людей на растерзание огромным медведям, которых он собрал и держал в своём дворце. Он привык применять все эти ужасы против христиан и распространял их без разбора на всех, кто имел несчастье ему не угодить.

Все эти приговоры исполнялись без какой-либо формы правосудия. Судьи, которых он назначал, были жестокими людьми, невежественными, воспитанными в военном деле. Красноречие было подавлено, адвокаты лишены голоса, правоведы изгнаны. Всякая литература считалась вредным искусством, и те, кто ею занимался, могли ожидать, что с ними будут обращаться как с врагами. Произвол, свободный от всяких ограничений, уничтожал законы и делал бесполезными все прекрасные знания.

Галерий был столь же жаден до денег, сколь и жесток; и если казни могли обрушиться лишь на определённое число жертв, то своими поборами он сделал себя бичом для всех своих подданных. Он приказал провести всеобщую перепись имущества и населения на всех землях, подвластных ему; и эта операция, которая не могла не быть обременительной

для народа, проводилась с такой суровостью, что превращалась в настоящую тиранию. Земли обмерялись, говорит Лактанций [3], считались деревья и виноградные лозы, записывалось количество скота каждого вида, велся учёт людских голов. Каждый глава семьи обязан был явиться со своими детьми и рабами; а чтобы получить правдивые показания, не щадили ни пыток, ни кнутов. Детей мучили, чтобы заставить их свидетельствовать против отцов, рабов – против господ, женщин – против мужей; а если этих средств не хватало, самих владельцев пытали, чтобы вырвать у них признания, противоречащие их интересам и часто истине. Побеждённые болью, они обвиняли себя не в том, что имели, а в том, что от них хотели получить. Оправдания возрастом или плохим здоровьем не принимались. Больных и калек учитывали, чтобы обложить их податями. Возраст каждого определяли на глаз, прибавляли годы детям, чтобы сделать их налогоспособными, или убавляли старикам, чтобы лишить их льгот. Повсюду царили печаль, траур и горькие жалобы. После первой переписи дело не заканчивалось. Новые чиновники приходили искать то, что могло ускользнуть от первых; и часто они безосновательно увеличивали списки, единственно чтобы не казаться бесполезными. Даже смерть не освобождала от ига; и часто приходилось платить за тех умерших, которых заинтересованные лица считали живыми. Нищих нельзя было причислить к налогоплательщикам, и их бедность защищала их от поборов. Бесчеловечный принц придумал

способ избавить их от бремени нищеты. Он сажал их толпами на корабли и топил в море.

Я опасаюсь, что в некоторых деталях того, что я только что пересказал из Лактанция, может быть преувеличение, но основа правдива. Галерий был жаден до денег, и они были ему нужны для замыслов, которые он вынашивал. Он намеревался стать владыкой всей империи и присоединить к трём частям, которыми уже правил, ту, что Констанций оставил за собой. Случай для этого, как ему казалось, не заставил себя долго ждать: его коллега был в таком состоянии здоровья, что грозило скорой кончиной. Если бы тот задержался слишком долго, если бы его смерть не наступила достаточно быстро, у Галерия оставался выход – война и оружие; и, объединив силы Севера и Максимина со своими, он рассчитывал легко одолеть соперника, гораздо более слабого, чем он сам. Его план простирался дальше; ибо люди охотно строят воздушные замки. После того как он уничтожил Констанция, он намеревался даровать титул Августа своему старому другу и советнику Лицинию, завершить таким образом свои двадцать лет правления, с помпой отпраздновать свои двадцатилетие, а затем отречься в пользу своего незаконного сына Кандидиана, сделав его Цезарем. Согласно этому плану, четыре правителя империи были бы полностью в его власти: два Августа, Лициний и Север, были обязаны ему всем своим величием; два Цезаря, Максимин и Кандидиан, были один его племянником, другой его сыном, и под их защи-

той он надеялся на спокойную и счастливую старость. Таковы были мечты, которыми он тешился. Но, говорит Лактанций, Бог, которого он разгневал, разрушил все эти тщетные замыслы.

Галерий видел препятствие в лице Константина, который ни по характеру, ни по возрасту не был склонен легко позволить лишить себя отцовского наследства. Правда, он держал этого юного принца в своей власти. Константин, оставленный Диоклетианом в качестве заложника, находился в Никомедии под надзором Галерия, но не без того, чтобы не причинять ему множество хлопот и сомнений. У него не было права требовать такого заложника от Констанция, своего коллеги, пользовавшегося даже преимуществом. Отправить его к отцу, который его требовал, значило открыть им путь для противодействия его планам. Оставалось избавиться от него. Но он не решался сделать это открыто, потому что Константин был любим солдатами. Он расставлял ловушки его храбрости; заставлял его сражаться с разъярённым львом, подвергал величайшим опасностям в войне, которую вёл тогда против сарматов. Всё было напрасно, все его козни обернулись против него. Рука Божья хранила Константина и готовила его к великим делам. Наконец, Галерий, не будучи в состоянии противиться столь справедливому требованию Констанция, который, будучи больным и чувствуя приближение конца, хотел увидеть сына перед смертью, притворился, что уступает, и дал Константину разрешение на отъезд и предпи-

сание, необходимое для получения лошадей на императорских станциях. Но доказательством его недобросовестности было то, что, вручив ему это предписание вечером, он велел ему ждать до утра, чтобы получить последние распоряжения. Константин заподозрил обман: он боялся, что император либо намерен под каким-то предлогом задержать его в Никомедии, либо хочет выиграть время, чтобы послать Северу, через земли которого, вероятно, пролегал его путь, приказ арестовать его в дороге. Он уехал той же ночью и принял меры, чтобы калечить или даже убивать лошадей на каждой станции после того, как ими воспользовался, дабы нельзя было его преследовать.

Событие оправдало его опасения. Галерий нарочно пролежал в постели до полудня. Поднявшись, он был крайне удивлён, не увидев Константина; и, узнав, что тот уехал, приказал пуститься за ним в погоню. Его слуги приготовились повиноваться, но почтовые лошади не могли служить, и пришлось отказаться от надежды догнать беглого принца, который уже сильно ушёл вперёд; Галерию оставалось лишь изливать свой гнев в жалобах и пустых угрозах.

Константин благополучно совершил свой путь и вовремя прибыл к отцу, который вскоре скончался. Констанций как раз готовился переправиться из Галлии в Британию, чтобы вести войну с пиктами, северным народом, имя которого здесь впервые появляется в истории, но который, возможно, был тем же самым, против которого император Север вое-

вал сто лет назад и который, по словам Геродиана, имел обычай покрывать тело шрамами и вырезать на нём изображения животных, отчего римляне дали им имя Picti, то есть «расписанные». Константин отплыл из Булони вместе с отцом и сопровождал его в войне против пиктов, после которой Констанций-победитель умер у него на руках в Йорке 25 июля того же года, что соответствует 306 году от Р. Х.

Умирая, этот государь устроил свою преемственность достойно той мудрости, которую проявлял в течение всей своей жизни и правления. Его семья была многочисленна. От первой жены, Елены, у него был Константин; от Феодоры, на которой он женился, как я уже говорил, когда стал Цезарем, родились три сына и три дочери. Сыновей звали Далмаций, Юлий Констанций и Аннибалиан; дочерей – Констанция, Анастасия и Евтропия. Если бы Констанций пожелал разделить свои владения между этим множеством детей, это означало бы обречь их на верную гибель и отдать на жертву алчности Галерия. Поэтому он решил передать верховную власть лишь одному Константину, который, будучи тогда тридцати двух лет и доказав свою доблесть и всевозможные превосходные качества, был способен управлять и, если понадобится, защитить отцовское наследство, став опорой для своих братьев и сестёр. Он назначил его своим преемником, рекомендовал его солдатам и велел остальным детям довольствоваться частной жизнью.

Решение умирающего императора стало законом для его

семьи и армии. Как только он скончался, солдаты поспешили исполнить его волю и возвести Константина на престол. Тот делал трудности; хотел или притворялся, что хочет дождаться согласия Галерия; он даже попытался бежать, если верить свидетельству панегириста. Но, несомненно, он был рад, что его остановили, и, будучи провозглашённым Августом войсками, в этом качестве совершил погребальные обряды отца.

Усопшему князю воздали положенные почести с пышностью и великолепием, и он был причислен к сонму богов.

Все писатели, христиане и язычники, говорившие о Констанции, сравнивали его судьбу с судьбами других современных ему князей и отмечали поразительную разницу. Констанций, после славного правления, умер мирно среди цветущей семьи, оставив сына преемником, тогда как все остальные окончили жизнь трагическими или, по крайней мере, весьма печальными катастрофами, не передав своего величия наследникам. Причину этой разницы в судьбе можно найти в разнице поведения; и никто, на мой взгляд, не выразил это наблюдение лучше, чем Либаний, чьи слова я здесь приведу.

Другие князья, правившие вместе с Констанцием, говорит этот ритор [4], с завистью взирая на богатство своих подданных, старались собрать в свои сокровищницы все богатства их государств; и для них высшим счастьем было, когда их сундуки оказывались слишком тесными, чтобы вместить несметные суммы, которые они стремились в них накопить.

От этого народы влачили жалкое существование в нищете и слезах, а груды золота оставались бесполезными и погребенными в руках государей. Но добродетельный князь, о котором я говорю, считал своими вернейшими сокровищами сердца своих подданных; и если возникала какая-либо нужда, ему стоило лишь объявить о ней – и богатства текли рекою, каждый спешил помочь как общественным, так и частным нуждам: ибо в делах добровольных и свободных люди соревнуются друг с другом; напротив, как только появляется принуждение, они перестают охотно повиноваться.

Констанций, руководствуясь столь отличными от других князей правилами, имел и иную судьбу. Его не видели, как он, злоупотребляя несчастьями своих подданных ради собственного удовольствия в течение немногих лет, погибал наконец от козней тех, кому доверял. Пока он жил, доброжелательность тех, кто ему повиновался, была ему верной защитой, а умирая, он оставил свою власть и величие сыну.

Примечания:

[1] ЕВСЕВИЙ, Церковная история, VIII, 13.

[2] ЛАКТАНЦИЙ, 21—23.

[3] ЛАКТАНЦИЙ, 23.

[4] ЛИБАНИЙ, Речь III, стр. 104.

Константин

Книга первая

§ I. Константин – великий государь, но не без недостатков

ЛЕТОПИСЬ ПРАВЛЕНИЯ КОНСТАНТИНА

ГАЛЕРИЙ МАКСИМИАН VI, АВГ. – КОНСТАНТИН VI, АВГ. От основания Рима 1057. От Р. Х. 306.

Константин, провозглашенный Августом своими войсками, желает получить признание в этом звании от Галерия. Но тот присваивает титул Августа Северу, а Константина ограничивает званием Цезаря.

Набеги франков подавлены Константином, который, изгнав их из Галлии, переходит Рейн, опустошает землю бруктеров огнем и мечом, берет множество пленных и отдает их на растерзание зверям.

Максенций, сын Максимиана Геркулия, поднимает преторианцев в Риме и принимает пурпур 28 октября. Север, находившийся в Италии, выступает против него. Максимиан Геркулий движется, якобы чтобы помочь сыну, который воз-

вращает ему пурпур.

Максенций царствовал шесть лет, так и не будучи признан Галерием. Эти два государя оставались врагами. Из-за этого раздора происходило двойное назначение консулов: одних выбирал Галерий, других – Максенций, что вносит разночтения и путаницу в летописи. В Риме признавали консулов Максенция, а в остальной империи – консулов Галерия. Мы укажем здесь и тех и других, следуя в качестве ориентира г-ну де Тиймону.

М. АВРЕЛИЙ СЕВЕР АВГУСТ. – МАКСИМИАН ЦЕЗАРЬ. От основания Рима 1058. От Р. Х. 307.

В Риме. МАКСИМИАН ГЕРКУЛИЙ, АВГУСТ IX. – МАКСИМИН ЦЕЗАРЬ.

Константин также был консулом в этом году, вероятно, замещая Севера, который вскоре лишился консульства вместе с империей, а затем и жизни.

Север продвинулся к Риму, чтобы атаковать Максенция. Его предали свои, и он вынужден был укрыться в Равенне, где Максимиан Геркулий осадил его и принудил сдаться под обещание сохранить жизнь. Обещание не сдержали, и Север был вынужден вскрыть себе вены.

Максимиан отправляется в Галлию, чтобы заручиться союзом Константина, которому отдает в жены свою дочь Фаусту и присваивает титул Августа. Константин ранее был женат на Минервине, от которой имел сына – несчастного Криспа Цезаря.

Галерий идет в Италию, чтобы уничтожить Максенция, но, покинутый большей частью войск, счастливо спасается бегством.

Максимиан возвращается в Рим и пытается сорвать пурпур с плеч сына.

Не добившись успеха, он отправляется в Галлию, а затем в Карнунт в Паннонии, где Галерий призвал Диоклетиана, чтобы в его присутствии и с его согласия назначить Лициния Августом. Максимиан тщетно уговаривает Диоклетиана вернуть пурпур. Лициний становится Августом.

Африка признает власть Максенция.

МАКСИМИАН ГЕРКУЛИЙ X, АВГ. МАКСИМИАН ГАЛЕРИЙ VII, АВГ. От основания Рима 1059. От Р. Х. 308.

В Риме. До 20 апреля консулов не было. С этого дня – МАКСЕНЦИЙ АВГУСТ. – РОМУЛ ЦЕЗАРЬ.

Ромул был сыном Максенция.

Максимин Даза заставляет своих солдат провозгласить себя Августом вопреки Галерию, который, вынужденный признать его в этом звании, больше не возражает против присвоения того же титула Константину.

Максимиан Геркулий, вернувшись в Галлию, вновь отрекается от императорского достоинства и притворяется, что довольствуется частной жизнью, но в сердце продолжает лелеять честолюбивые замыслы.

Александр поднимает восстание в Африке против Максенция и провозглашает себя императором.

ЛИЦИНИЙ АВГУСТ. От основания Рима 1060. От Р. Х. 309.

Мы не можем с уверенностью назвать коллегу Лициния, и даже его консульство не вполне достоверно. Некоторые летописи указывают после десятого и седьмого консульства (десятого – Максимиана Геркулия, седьмого – Галерия), как будто в этом году в провинциях, признававших власть Галерия, консулов не было.

В Риме. МАКСЕНЦИЙ АВГУСТ II. – РОМУЛ ЦЕЗАРЬ II.

Движения франков на Рейне и одновременно мятеж Максимиана Геркулия.

Константин отражает франков и захватывает Максимиана в Марселе. Он оставляет ему жизнь.

АНДРОНИК. – ПРОБ. От основания Рима 1061. От Р. Х. 310.

В Риме. МАКСЕНЦИЙ АВГУСТ III, единственный консул.

Максимиан пытается убить Константина в его постели, но, пойманный на месте, вынужден задушить себя.

Его статуи и изображения низвергаются, а вместе с ними – и изображения Диоклетиана, обычно с ним соединенные. Максенций, его сын, причисляет его к богам.

Поход Константина за Рейн против франков.

Галерий поражен ужасной болезнью. Рождение и начало правления Шапура II, царя Персии.

МАКСИМИАН ГАЛЕРИЙ VIII, АВГ. – МАКСИМИН II, АВГ. От основания Рима 1062. От Р. Х. 311.

В Риме, только с сентября. РУФИН. – ЕВСЕВИЙ.

Галерий издает эдикт о прекращении гонений на христиан. Этот эдикт был выставлен в Никомедии 30 апреля.

Он умирает в Сардике и, умирая, поручает Лицинию свою жену Валерию, дочь Диоклетиана.

Максимин захватывает Азию, входившую в долю Галерия. Европейские владения Галерия остаются у Лициния.

Вдова Галерия, преследуемая Лицинием, бежит с матерью Приской во владения Максимина, который хочет на ней жениться, но, не сумев принудить, ссылает ее в сирийские пустыни.

Максенций отвоевывает Африку у Александра и угнетает ее.

Он заставлял Рим и Италию стонать под железным игром своих насилий и ужасных развратов.

Милосердие и мягкость правления Константина. Он посещает и восстанавливает город Отен.

Максенций вызывает Константина на войну, и тот готовится к походу в Италию.

2.4 ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРОВ

Константин взывает к помощи истинного Бога, которого знал лишь смутно. Чудесное знамение креста, являющееся ему на небе, когда он еще находился в Галлии. Он обращается в христианство и принимает наставления от епископов.

Осий, по-видимому, сыграл большую роль в его обращении. Он делает крест своим главным знаменем (лабарум).

КОНСТАНТИН II, АВГ. – ЛИЦИНИЙ II, АВГ. От основания Рима 1063. От Р. Х. 312.

В Риме. МАКСЕНЦИЙ АВГУСТ IV, единственный консул.

Константин прорывается через Сузский проход и, одержав несколько побед над легатами Максенция, приближается к Риму.

Битва 28 октября у Мульвийского моста, где Константин побеждает, а Максенций, бежав, тонет в Тибре.

Константин триумфально вступает в Рим и заставляет столицу забыть о бедствиях, перенесенных при Максенции.

Преторианцы распущены, их лагерь разрушен.

Сенат провозглашает Константина первым Августом. Арка Константина, сохранившаяся в Риме доныне.

Статуя Константина с крестом в руке.

Он издает от своего имени и от имени Лициния эдикт в пользу христиан.

Максимин до этого времени был яростным гонителем христиан: даже армяне, приняв христианство, подверглись с его стороны войне за отказ отречься. Однако страх заставил его подчиниться эдикту Константина.

Здесь Евсевий отмечает конец гонений, начатых Диоклетианом.

Начало индиктов.

КОНСТАНТИН III, АВГ. – ЛИЦИНИЙ III, АВГ. От основания Рима 1064. От Р. Х. 313.

Брак Лициния с Констанцией, сестрой Константина, празднуется в Медиолане. Встреча двух государей по этому случаю.

Они совместно издают новый, более подробный и расширенный эдикт в пользу христианства.

Константин отправляется на Рейн для борьбы с франками, которых разбивает и вновь отбрасывает за реку.

Диоклетиан умирает в своем уединении в Салонах, подавленный скорбями. Максимин и Лициний причисляют его к богам.

Максимин нападает на Лициния и вторгается во Фракию. Он разбит под Адрианополем, отступает в Вифинию и останавливается только в Каппадокии.

Лициний 13 июня вывешивает в Никомедии Миланский эдикт, спустя десять лет и около четырех месяцев после издания эдикта Диоклетиана о гонениях.

Максимин, вынужденный неудачами, также издает указ в пользу христиан.

Всеобщий мир Церкви.

Лициний преследует Максимина, который принимает яд в Тарсе Киликийском и умирает через несколько дней в жесточайших мучениях.

Его семья истреблена Лицинием, который также казнит Севериана, сына Севера, Кандидиана – незаконного сына Га-

лерия, Приску и Валерию – жену и дочь Диоклетиана. Так был уничтожен весь род гонителей.

Секулярные игры не проводятся.

ВОЛУЗИАН II – АННИАН. 1065 год от основания Рима. 314 год от Р.Х.

Собор в Арле против донатистов.

Константин требует у Лициния нового раздела империи, и после отказа начинает войну, чтобы принудить его.

Битва при Цибалисе в Паннонии, где Лициний разбит.

Валент провозглашен Цезарем Лицинием.

Битва при Мардии, между Филиппополем и Адрианополем, исход которой не был окончательно решен.

Мир заключен между двумя императорами. Валент казнен. Большая часть Иллирии, Македонии и Греции отходит Константину.

КОНСТАНТИН IV, АВГУСТ – ЛИЦИНИЙ IV, АВГУСТ. 1066 год от основания Рима. 315 год от Р.Х.

Закон Константина об отмене казни через распятие.

Он празднует в Риме десятилетие своего правления.

САБИН – РУФИН. 1067 год от основания Рима. 316 год от Р.Х.

Константин Младший рождается в Арле.

Закон, разрешающий и узаконивающий освобождение рабов в церкви в присутствии епископа.

ГАЛЛИКАН – БАСС. 1068 год от основания Рима. 317 год от Р.Х.

Крисп и Константин, оба сыновья императора Константина, и Лициниан, сын Лициния, провозглашаются Цезарями.

Рождение Констанция, второго сына Константина и Фаусты.

ЛИЦИНИЙ АВГУСТ V – КРИСП ЦЕЗАРЬ. 1069 год от основания Рима. 318 год от Р.Х.

КОНСТАНТИН АВГУСТ V – ЛИЦИНИАН ЦЕЗАРЬ. 1070 год от основания Рима. 319 год от Р.Х.

КОНСТАНТИН АВГУСТ VI – КОНСТАНТИН ЦЕЗАРЬ. 1071 год от основания Рима. 320 год от Р.Х.

Закон, отменяющий наказания, ранее установленные за безбрачие.

Победа, одержанная Криспом Цезарем над франками. Рождение Константа, третьего сына Константина и Фаусты.

КРИСП II, ЦЕЗАРЬ – КОНСТАНТИН II, ЦЕЗАРЬ. 1072 год от основания Рима. 321 год от Р.Х.

Закон, предписывающий празднование воскресенья.

Лициний изгоняет христиан из своего дворца, положив начало столь же коварному, сколь и жестокому гонению, которое продолжалось три года.

ПЕТРОНИЙ ПРОБИАН – АНИЦИЙ ЮЛИАН. 1073 год от основания Рима. 322 год от Р.Х.

Варвары, живущие у Дуная, разбиты Константином в нескольких сражениях.

СЕВЕР – РУФИН. 1074 год от основания Рима. 323 год от Р.Х.

Набеги готов отражены Константином.

Этот государь, ревностный защитник христиан, не мог без скорби видеть их угнетенными своим соправителем. Лициний, со своей стороны, опасался их как сторонников Константина. К тому же он был груб, жесток и вспыльчив. Из этих обстоятельств и возникла война между двумя императорами.

Битва при Адрианополе, где Лициний разбит. Он укрывается в Византии, которую Константин осаждает с суши.

Флот Константина под командованием его сына Криспа Цезаря уничтожает флот Лициния.

Лициний покидает Византию, переправляется через море и прибывает в Халкидон, где готовит новые силы. Он провозглашает Цезарем своего главного придворного Мартиниана.

Константин переходит в Азию. Битва при Хризополе. Лициний, разбитый, отступает в Никомедию и через посредничество своей жены Констанции, сестры Константина, получает гарантии сохранения жизни при условии сложения пурпура и подчинения победителю. Он отправлен в Фессалоники. Цезарь Мартиниан казнен.

Вскоре после этого, то есть в том же или следующем году, Константин приказал убить Лициния, который с трудом переносил частную жизнь и строил заговоры с варварами. Лициний объявлен тираном, его указы отменены. Его сын вскоре последовал за ним и также был казнен без каких-либо за-

конных оснований для такой суровости.

Констанций, второй сын Константина и Фаусты, провозглашен Цезарем.

КРИСП III, ЦЕЗАРЬ – КОНСТАНТИН III, ЦЕЗАРЬ. 1075 год от основания Рима. 324 год от Р.Х.

Константин, единоличный владыка империи, начинает еще более активно распространять христианство и способствовать падению идолопоклонства.

Первые меры, принятые этим государем в отношении зарождающегося арианства.

ПАУЛИН – ЮЛИАН. 1076 год от основания Рима. 325 год от Р.Х.

Никейский собор.

Константин празднует двадцатилетие своего правления в Никомедии. В следующем году он отпраздновал его в Риме.

Эдикт, в котором он призывает всех, кто подвергся притеснениям со стороны его чиновников, обращаться к нему лично.

Закон, запрещающий гладиаторские бои.

КОНСТАНТИН АВГУСТ VII – КОНСТАНЦИЙ ЦЕЗАРЬ. 1077 год от основания Рима. 326 год от Р.Х.

Константин прибывает в Рим.

Введенный в заблуждение клеветой своей жены Фаусты, он казнит своего сына Криспа Цезаря; а затем, узнав правду, предает смерти саму Фаусту.

Он открыто выражает в Риме свое презрение к языче-

ским суевериям, и недовольство, проявленное сенатом и народом в виде жалоб и ропота, начинает отвращать императора от своей столицы.

КОНСТАНЦИЙ – МАКСИМ. 1078 год от основания Рима. 327 год от Р.Х.

Констанций, консул этого года, по-видимому, не принадлежал к императорской семье.

Обретение Гроба Господня и Креста Христова.

Константин начинает строительство церкви Воскресения в Иерусалиме.

ЯНУАРИЙ – ЮСТ. 1079 год от основания Рима. 328 год от Р.Х.

Смерть святой Елены, матери Константина.

Начало строительства Константинополя. Константин сначала хотел построить город в Трое и даже начал работы. Но вскоре он отказался от этого плана и решил основать новую Римскую империю на месте Византия.

КОНСТАНТИН АВГУСТ VIII – КОНСТАНТИН ЦЕЗАРЬ IV. 1080 год от основания Рима. 329 год от Р.Х.

Есть основания и авторитетные мнения, позволяющие отнести основание Константинополя к этому году. Но принятая нами версия более вероятна.

ГАЛЛИКАН – СИММАХ. 1081 год от основания Рима. 330 год от Р.Х.

Освящение нового города, которому Константин дал свое

имя, в понедельник 11 мая.

В Константинополе не совершается публичное отправление языческих культов. Его основатель сделал его полностью христианским городом.

Церковь Апостолов.

Из-за слишком быстрого строительства здания оказались недостаточно прочными.

Константин украсил свой город самыми прекрасными привилегиями: учредил в нем сенат, заботился о его заселении и менее чем за десять лет сделал его вторым городом Вселенной.

БАСС – АБЛАВИЙ. 1082 год от основания Рима. 331 год от Р.Х.

Церковь, построенная по приказу Константина в Мамвре. Эдикт о вечном освобождении от четверти налогов, взимаемых с земель.

К этому же году относят закон, разрешающий сторонам в судебных спорах обращаться к епископам. Жак Годфруа подозревает его в подложности.

ПАКАТИАН – ИЛАРИАН. 1083 год от основания Рима. 332 год от Р.Х.

Готы разбиты молодым Цезарем Константином. Сарматы вынуждены подчиниться.

ДАЛМАТИЙ – КСЕНОФИЛ. 1084 год от основания Рима. 333 год от Р.Х.

Далматий, консул этого года, является братом или пле-

мянником Константина.

Не подлежит сомнению, что Далматий-старший был удостоен звания цензора, и он последний, кто его носил.

Именно в это время Константин начал возвышать своих братьев и племянников, которых святая Елена всегда старалась держать в тени.

Констант, третий сын Константина, провозглашен Цезарем. К этому году можно отнести смерть философа Сопатра.

Посольства варваров Севера, Востока и Юга, прибывшие воздать почести величию Константина.

Император пишет Сапору в защиту христиан Персии.

Он пишет, а также его дети пишут святому Антонию.

ОПТАТ – АНИЦИЙ ПАУЛИН. 1085 год от основания Рима. 334 год от Р.Х.

Сарматы, разбитые своими рабами, ищут убежища на землях империи.

ФЛАВИЙ ЮЛИЙ КОНСТАНЦИЙ – РУФИЙ АЛБИН. 1086 год от основания Рима. 335 год от Р.Х.

Юлий Констанций, консул этого года, был братом Константина. Он был отцом Цезаря Галла и Юлиана Отступника.

Константин празднует тридцатилетие своего правления.

Со времен Августа ни один император не достигал этого срока.

Он делит империю между тремя сыновьями, определяя каждому его владения.

Он провозглашает Цезарем своего племянника Далматия

и дает Ганнибалиану, брату Далматия, титул царя, назначив ему в удел Малую Армению, Понт и Каппадокию. Цезарь Далматий должен был получить Фракию, Македонию и Грецию. Этими распоряжениями Константин не лишал себя власти: он сохранял за собой все свои владения, которые должны были быть разделены только после его смерти.

Мятеж Калокера на острове Кипр.

НЕПОЦИАН – ФАКУНД. 1087 год от основания Рима. 336 год от Р.Х.

Непоциан, консул этого года, по-видимому, тот самый, кто захватил власть в 350 году и был сыном сестры Константина.

ФЕЛИЦИАН – ТИЦИАН. 1088 год от основания Рима. 337 год от Р.Х.

Персы, нарушив мир, вынудили Константина готовиться к походу против них, но он был поражен болезнью, от которой умер.

Он крещен Евсевием Никомедийским и умирает в день Пятидесятницы на 64-м году жизни и 31-м году правления.

ТИРАНЫ в правление Константина.

КАЛОКЕР в Египте. АЛЕКСАНДР правил три года в Африке, которую отнял у Максенция. ВАЛЕНТ и МАРТИНИАН были последовательно провозглашены Цезарями Лицинием.

Начиная историю правления Константина, я остерегаюсь подражать нелепой и кощунственной лести Евсевия Кеса-

рийского, который не постеснялся написать, что лишь Бог достоин быть панегиристом этого императора. Я представляю читателю государя, дорогого и уважаемого христианством, которое он освободил от гнета и возвел на трон; великого талантами, великого добродетелями, но не без пятен даже после принятия нашей святой веры. Политическая расчетливость и излишняя доверчивость заставили его совершить непростительные ошибки, и он служит примером той слишком распространенной непоследовательности, которая, отдавая дань правилам на словах, во многих поступках от них отступает. Нас может утешать то, что последние десять лет его жизни, наполненные делами, вдохновленными ревностью о христианстве, уже не омрачены никакими пороками, и что крещение, принятое им перед смертью, стало спасительным очищением, избавившим его душу от прежних скверн и позволившим не лишиться награды за то, что он сделал для христианской Церкви.

Я помещаю его имя в заголовке, хотя вначале он не занимал первого места среди правителей империи. Верховная власть после смерти Констанция Хлора перешла к Галерию. И даже Константин, которого солдаты сразу провозгласили Августом, вскоре был им низведен до положения простого Цезаря, как мы увидим далее. Но поскольку он с самого начала участвовал в верховной власти и в итоге сосредоточил ее в своих руках, удобство изложения истории без перерывов показалось мне предпочтительнее излишней скрупулез-

ности, которая могла бы повредить ясности.

Первым шагом Константина после того, как войска его отца провозгласили его Августом в присутствии Галерия, было обращение к Галерию с просьбой подтвердить действия солдат в его пользу. Для этого он, согласно установленному тогда церемониалу, отправил ему свой портрет, увенчанный лаврами. Галерий вовсе не был расположен принять это. Его планы и намерения были совершенно иными, как я уже говорил, и он не мог ожидать особой преданности и покорности со стороны Константина, которого жестоко оскорбил; поэтому в первом порыве гнева он едва не велел сжечь и портрет, и того, кто его принес.

Однако, с другой стороны, он понимал, что отказ даст повод к войне, исход которой был бы крайне неопределенным. Молодой принц был признан и любим во всех землях, подвластных его отцу; и, если верить Лактанцию, даже войска, окружавшие Галерия, симпатизировали ему. Таким образом, правитель империи не мог рассчитывать на их верность, если бы попытался направить их против Константина. Поэтому ему пришлось подчиниться обстоятельствам и согласиться с тем, чего он не мог предотвратить. Тем не менее он хотел хотя бы отчасти отстоять свои властные полномочия, которые не были должным образом соблюдены. Он даровал Северу титул Августа, освободившийся после смерти Констанция Хлора, а Константину, посылая ему пурпур, велел довольствоваться именем и почестями Цезаря. Констан-

тин, проявив достойную похвалы умеренность, принял это решение и безропотно опустился со второго места на четвертое.

Галерий не был полностью недоволен сложившимся положением: если он и не извлек из смерти своего соправителя той выгоды, на которую рассчитывал, то, по крайней мере, не потерял ничего из того, что ранее принадлежало ему. Константин не объявлял себя его врагом и даже в какой-то мере подчинялся его приказам. Однако новые волнения вызвали у Галерия новые тревоги и стали бедствием, с которым он не смог справиться.

Причину этого он должен был видеть в себе. Я уже говорил, что этот правитель приказал провести перепись имущества и населения во всех подвластных ему провинциях и что эта операция проводилась с такой суровостью, что превратилась в тиранию. Он вознамерился распространить ее даже на Рим и уже назначил чиновников, которые под предлогом переписи должны были разорить эту столицу империи и всего мира. Таким образом, он не только встревожил и ожесточил граждан, но и восстановил против себя солдат; продолжая начатое Диоклетианом, он ослабил преторианцев новыми сокращениями. Максенций, сын Максимиана Геркула и зять Галерия, видя такое брожение умов, воспользовался неосмотрительностью правителя, чтобы окончательно поднять мятеж и самому возвыситься до императорской власти. Ему было крайне тяжело видеть, как Север и Максимин,

обойдя его, сына и зятя императоров, были назначены Цезарями в ущерб ему. Возвышение Константина, который оправился от подобной несправедливости, пережитой им ранее, стало для Максенция новым стимулом. Поддержанный своим отцом [1], тосковавшим по величию, от которого его вынудили отказаться, и заручившись поддержкой нескольких видных военных и городских чиновников, он встал во главе оставшихся преторианцев; провозглашенный ими Августом, он без труда овладел Римом, приказал казнить наместника Галерия и нескольких других должностных лиц и был встречен народом как освободитель. По данным Тиллемона, эта революция произошла 28 октября того же 306 года от Р. Х., с которого мы начинаем правление Константина.

Наши авторы не указывают, где в тот момент находился Север, в чьем ведении была Италия. Будь то по его небрежности или из-за дел, занимавших его в другом месте, его отсутствие в Риме, несомненно, способствовало успеху предприятия Максенция. Узнав о случившемся, он поспешил остановить развитие событий, грозивших лишить его власти; вооруженный полномочиями Галерия, который не желал вторично подчиняться чужой воле и всегда ненавидел своего зятя, он собрал все войска, какие только были в Италии, и двинулся на Рим. Но эти войска были крайне не расположены служить ему: они привыкли подчиняться Максимиану Геркулу и потому должны были сохранять привязанность к сыну этого принца. Кроме того, прелести столицы,

которыми они долго наслаждались, побуждали их скорее желать спокойной жизни в ней, нежели штурмовать ее как враги. Чтобы укрепить их в этих настроениях, Максимиан вновь появился на сцене.

Этот беспокойный старик, снедаемый страстным желанием вернуться на трон, вероятно, хотел испытать судьбу через своего сына, и, увидев его успех, решил извлечь из этого выгоду для себя и довести дело до крайних пределов. Поэтому он прибыл в Рим под предлогом поддержки Максенция и объединения всех умов в пользу нового принца, который его вызвал. Едва он появился, его сын, ни о чем не подозревавший, предложил ему – а сенат и римский народ умоляли его – вновь принять пурпур. Не нужно было принуждать его, и Максимиан с радостью вновь обрел звание, от которого отказался лишь с сожалением.

Таким образом, в империи одновременно оказалось шесть правителей, Августов или Цезарей: Галерий, Север, Максимин, Константин, Максимиан Геркул и Максенций. Говорят, что Максимиан Геркул даже пытался увеличить это число до семи, написав Диоклетиану и призвав его последовать его примеру. Но он не смог поколебать эту твердую душу, не склонную к поспешным решениям и всегда учитывавшую последствия.

Сначала Максимиану и Максенцию все удавалось. Когда Север приблизился к Риму, его ненадежные солдаты, подкупленные деньгами его врагов, покинули его, так что ему

не оставалось ничего иного, как бежать в Равенну. Максимиан преследовал его и осадил город. Но поскольку крепость была сильна и хорошо снабжена, он опасался, что, если осада затянется, Галерий успеет прийти на помощь своему верному и покорному соправителю. Тогда он прибег к вероломству: поскольку имел дело с доверчивым и робким человеком, он убедил его, что не покушается на его жизнь и что, как только тот перестанет быть его соперником, станет его защитником. Север поверил ему, отдался в его руки и вернул ему пурпур, полученный от него двумя годами ранее. Максимиан, как человек религиозный, не хотел нарушать клятву, но предоставил действовать своему сыну. Едва несчастный Север покинул Равенну и отправился к месту своего уединения, как попал в засаду, устроенную Максенцием. Его доставили в Три Таверны на Аппиевой дороге, и там единственное, чего он смог добиться, – это легкой смерти: ему позволили вскрыть себе вены. Он оставил сына по имени Северианин, которого постигла не лучшая участь: несколько лет спустя он был убит Лицинием, как мы расскажем в свое время. Смерть Севера, вероятно, произошла в первые месяцы 307 года от Р. Х.

Максимиан, избавившись от Севера, опасался Галерия. Поэтому он решил заручиться поддержкой против него, вступив в тесный союз с Константином. У этого молодого принца, как и у Максимиана, не было причин любить Галерия; кроме того, он начинал свое правление весьма блиста-

тельно: любимый внутри страны, грозный для внешних врагов. Первым проявлением его власти стало дарование христианам свободы вероисповедания путем прямого отмены [2] эдикта о гонениях, который его отец лишь отказался исполнять. Он обращался со всеми подданными с той добротой и мягкостью, пример которых оставил ему отец и которые он считал самой драгоценной частью своего наследия. В то же время он отражал набеги франков, которых ничто не могло удержать от опустошения Галлии и попыток закрепиться там.

Эти народы, едва лишь увидев, что Констанций переправился в Британию, воспользовались его отсутствием, нарушили мир и возобновили свои опустошительные набеги. Константин, наследовавший отцу, выступил против них, разгромил их в Галлии, взял в плен двух их царей – Аскарика и Гайзу – и, желая устрашить весь народ жестокой расправой над их правителями, приказал бросить их на растерзание зверям во время великолепного зрелища, устроенного после победы.

Не удовлетворившись этим, Константин перешёл Рейн и вторгся во владения бруктеров [3], предав их огню и мечу. Ничто не было пощажено: деревни сожжены, скот захвачен и перебит, мужчины и женщины вырезаны, а те, кто избежал меча и были взяты в плен, ожидала ещё более жестокая участь. Поскольку он считал их неспособными принести какую-либо пользу из-за их неукротимой гордости и веролом-

ства, они были приговорены к той же казни, что и их цари, – их отдали на растерзание зверям, чью свирепость они сами уподобляли.

Этой беспощадной жестокостью он намеревался принудить германские племена к вынужденному миру. Предвидя, что обстоятельства могут потребовать его присутствия в других местах, он хотел обеспечить безопасность своей страны, прежде чем будет вынужден её покинуть. Он принял все возможные меры для укрепления естественного барьера, которым Рейн отделял Германию. На реке содержался флот, берег был усеян фортами, расположенными на расстоянии друг от друга, хорошо снабжёнными и охраняемыми. В Кёльне он начал строительство моста, чтобы обеспечить себе удобный переход на тот берег в случае необходимости. Ужас, внушённый этими приготовлениями, был так велик среди германских племён, что многие из них явились к Константину с мольбами о пощаде, предлагая заложников и заверения в нерушимой верности.

Таково было положение дел у Константина, когда Максимиан прибыл в Галлию в начале 307 года от Р. Х., чтобы заручиться его дружбой.

Между ними уже существовали тесные связи. Констанций Хлор был приёмным сыном Максимиана и женат на его падчерице, Феодоре, которая родила Константину нескольких братьев и сестёр. Максимиан ещё более укрепил этот союз, выдав за Константина свою дочь Фаусту. Судя по свидетель-

ству панегириста, этот брак планировался давно, и у нас нет оснований сомневаться в этом, поскольку император Юлиан подтверждает, что это было согласованное решение между Констанцем Хлором и Максимианом.

Впрочем, Константин ранее был женат на Минервине, о которой больше ничего не известно, и имел от неё сына по имени Крисп, которому на тот момент могло быть около семи лет. Его трагическая кончина впоследствии стала главным пятном на репутации отца. Возможно, Минервина к тому времени уже умерла, а может, была отвергнута, чтобы освободить место Фаусте. Достоверно известно, что она была не наложницей, а законной супругой. Языческие авторы согласны с христианскими в том, что Константин отличался целомудрием и избегал запретных удовольствий.

Максимиан, сделав Константина своим зятем, также даровал ему титул и ранг Августа. Константин принял его, считая, что назначение от Максимиана – более весомый и бесспорный титул, чем провозглашение его императором солдатами после смерти отца. Однако Галерий признал его в этом статусе лишь год спустя.

Пока всё это происходило в Галлии, Галерий вторгся в Италию, чтобы отомстить за Севера и свергнуть Максенция. Согласно Лактанцию, чья ненависть к этому правителю неизменно сильна, его замыслы простирались не далее, чем истребить сенат и перебить народ Рима. Но задумать такое было легче, чем исполнить. Галерий вёл многочисленное

войско, но не сумел привязать его к себе уважением и любовью. К тому же он плохо представлял себе то, на что отважился.

Он никогда не видел Рима и, подобно Титиру у Вергилия [4], воображал его похожим на знакомые ему города, с небольшими отличиями. Когда же он приблизился к нему, то был поражён его огромными размерами и начал сомневаться в успехе. Вскоре Максенций, искусный в совращении солдат противника, сумел подкупить войска Галерия. Соблазнённые деньгами и обещаниями, они стали возмущаться «недостойной войной между тестем и зятем», лицемерно ссылаясь на священные права родины – будучи римлянами, они якобы не могли поднять руку на Рим.

Но дело не ограничилось пустыми криками. Целые легионы переходили на сторону Максенция. Галерий оказался в положении, схожем с тем, в котором был Север, и опасался такого же разгрома. Он смирил свою гордыню: бросился к ногам оставшихся солдат и мольбами, слезами, обещаниями щедрых наград добился того, что те не покинули его и сопроводили при отступлении. Так он бежал, даже не обнажив меча и не испытав судьбу в бою.

Лактанций утверждает, что его можно было легко добить, если бы пустились в погоню. Но Максенций, столь же беззаботный и беспечный, сколь коварный и лживый, счёл себя счастливым, избежав опасности, и позволил Галерию беспрепятственно уйти. Тот, не ожидавший такой нелепой снис-

ходительности, принял меры, соответствующие его натуре, чтобы обеспечить отступление. Он разрешил, даже приказал своим войскам грабить и опустошать все земли на пути. Этот приказ привёл к разорению большей части Италии. Солдаты, получившие полную свободу действий, творили любые зверства. Галерий извлёк из этого двойную выгоду: обогатил армию и оставил потенциальным преследователям лишь разорённую землю, где невозможно было найти пропитания. Так он вернулся в свои провинции, покрытый позором неудачи и с сильно поредевшим войском.

Максенций, избавленный от всяких страхов и опьянённый успехом, предался всем порокам тирании. Он считал своей добычей имущество граждан и честь женщин, творя насилие без всяких опасений. Он не знал, что новый враг угрожает ему со стороны собственного отца.

Максимиан, император без владений, не был из тех, кто довольствуется пустым титулом. Его зять правил в Галлии, сын – в Италии, но их власть не была его властью, и он жил в зависимости от них. Он попытался настроить Константина против Максенция, но, потерпев неудачу, отправился в Рим, полагаясь лишь на себя и решив – раз чужая поддержка ему недоступна – в одиночку осуществить замысел, от которого его необузданное честолюбие не позволяло отказаться.

Он воображал, что войска, некогда ему подчинявшиеся, с радостью вернутся под начало прежнего императора, а дурное правление сына казалось ему наилучшим поводом для

мятежа. Он строил козни, вёл интриги и, будучи отчаянно смелым, легко убедил себя, что сил достаточно. Тогда он созвал собрание солдат и народа и там обрушился с обвинениями на правление Максенция, который присутствовал при этом. Он объявил его недостойным власти и попытался лишить её силой, сорвав с плеч пурпурную мантию.

Это странное насилие заставило г-на де Тиллемона усомниться в законности рождения Максенция. Некоторые писатели утверждали, что он не был сыном Максимиана, а подменным ребёнком, которого императрица Евтропия подложила из политических соображений. Подобное предположение само по себе маловероятно, авторы, его подтверждающие, не слишком авторитетны, а в действительности Максенций всегда признавался сыном Максимиана. Если старый император пошёл против него на столь крайние меры, то лишь потому, что его пожирало бешеное честолюбие. Максимиан был вполне способен попрать естественные права, лишь бы вернуть себе власть.

Но он плохо рассчитал свои меры: Максенций нашел поддержку среди солдат, которые открыто встали на его сторону против бесчеловечного отца, против беспокойного старика, который не сумел ни удержать власть, когда обладал ею, ни довольствоваться частной жизнью, на которую сам себя обрек, и теперь хотел вернуть себе путем ужасного преступления то, от чего отказался то ли по непостоянству, то ли по слабости. Максимиан подвергся опасности: он вынужден

был спасаться бегством и, по словам Лактанция, был изгнан из Рима, как второй Тарквиний Гордый.

Он удалился в отчаянии и замешательстве, но неизменившимся, и прибыл в Галлию к своему зятю Константину, тщетно пытаясь заразить его своей яростью. Отвергнутый этим государем, который не пожелал ни ввязываться в его распри, ни помогать ему в мести, он обратился к Галерию, непримиримому врагу своего сына. Лактанций приписывает ему замысел, достойный его, но маловероятный в данных обстоятельствах, – убить Галерия и занять его место. Правда, целью всех его действий был трон, и это желание доводило его до безумия, побуждая уничтожать любые препятствия на своем пути. Но власть Галерия была слишком прочна, чтобы ее можно было легко поколебать, и планы Максимиана, по крайней мере напрямую, не были направлены на ее свержение. Он задумал, как мы увидим, другой план, который провалился; и единственным результатом его поездки стало то, что он стал свидетелем возведения Лициния в ранг Августа.

Галерий не признавал Константина Августом. Максенция он считал узурпатором и тираном. Более чем вероятно, что он считал незаконным поступок Максимиана, вновь облачившегося в пурпур, и не признавал за ним никакого другого статуса, кроме как бывшего императора. Таким образом, место Августа, которое занимал Север, по его системе оставалось вакантным, и он предназначал его Лицинию.

Лициний был его земляком и давним другом, оказавшим ему большие услуги в войне против персидского царя Нарсеса. Он слыл искусным в военном деле и умел поддерживать дисциплину в войсках. Но это было его единственным достоинством. В остальном же ничто не может быть отвратительнее того портрета, который рисуют ему даже язычники. Они приписывают ему постыдную скупость, разврат, жестокий и вспыльчивый нрав, невероятную ненависть к наукам, которых он совершенно не знал и потому презирал, называя их ядом и общественной чумой. Особенно он ненавидел юриспруденцию, но вообще любой, кто развивал свой ум благородными знаниями, вызывал у него подозрения; а так как к прочим порокам он добавлял жестокость, то часто философы, единственной виной которых была их профессия, осуждались им на муки, которые законы предусматривали для рабов.

Он был жестоким гонителем христиан, насколько ему позволяли обстоятельства; и если в некоторые периоды он щадил их или даже казалось покровительствовал им, то эта снисходительность объяснялась лишь политическими соображениями, умевшими приспосабливаться к обстановке. Это была свирепая душа, принесшая на трон все пороки деревенского происхождения и грубого воспитания, хотя он и приписывал себе некую знатность, возводя себя к императору Филиппу: выдумка, которая лишь добавляла к низости его происхождения смехотворность тщеславия. Одна-

ко от своего прежнего состояния он сохранил образ мыслей, достойный правителя. Родившись в дакийской деревне и с детства привыкнув к сельским трудам, он всегда благоволил к тем, кто занимался земледелием – части государства, слишком часто забываемой, но являющейся его основой и опорой.

Из этого описания характера Лициния видно, что нет ничего удивительного в том, что Галерий любил его, находя в нем почти свое второе «я». Уже давно, как я уже отмечал, он задумал возвысить его. Однако во время первого изменения системы власти, которое он инициировал, он не предложил его Диоклетиану в качестве Цезаря, потому что Лициницию тогда было уже за сорок, и он казался ему в том возрасте, когда можно сразу стать Августом. Он рассчитывал на место Констанция Хлора, но его план был нарушен возвышением Константина, и он воспользовался смертью Севера, чтобы наконец осуществить задуманное.

Узурпация Максенция и безумные амбиции Максимиана создавали новое препятствие; и я убежден, что именно из-за этих трудностей Галерий пожелал придать своим действиям видимость законности, заручившись согласием Диоклетиана, который был как бы отцом всех правящих тогда князей и чье достоинство, сохраненное им в отставке, все еще внушало почтение. Поэтому Галерий пригласил его прибыть в Карнунт в Паннонии, где он тогда находился, чтобы они могли посовещаться. Именно в этот город явился Мак-

симиан, неожиданный и нежеланный, с планами, совершенно отличными от их замыслов. По-видимому, он намеревался добиться от Диоклетиана личными просьбами того, чего не смог достичь письмами, и склонить его вновь принять верховную власть, чтобы, как он говорил, империя, восстановленная и сохраненная их многолетними трудами, не оказалась во власти неразумной молодежи, которая сама себя впутывала в управление, к которому была неспособна. Диоклетиану нетрудно было разглядеть за этими красивыми словами и рассуждениями об общественном благе личный интерес, двигавший его коллегой; но, не вдаваясь в бесполезные объяснения, он ограничился восхвалением сладости покоя, которым наслаждался в отставке, и, вероятно, именно тогда привел в пример овощи со своего огорода, предпочитая их всем почестям. Таким образом, в Карнунте все прошло мирно. Лициний был провозглашен Августом Галерием в присутствии Диоклетиана и Максимиана 11 ноября того же 307 года, когда был убит Север, и получил в управление Паннонию и Рецию, ожидая, вероятно, Италию, когда Максенций будет лишен ее.

Назначив Лициния Августом, Галерий подтвердил и усугубил опалу Максимиана. Тем не менее, кажется, он хотел утешить его некоторыми знаками внимания и даже позволил ему сохранить почести и титул Августа, сделав его своим коллегой по консулату на следующий 308 год и даже предоставив ему первое место.

Здесь я должен предупредить, что со времени узурпации Максенция путаница, царившая в империи, внесла большой беспорядок в летописи, так что консулаты всех этих лет сильно запутаны. Максенций никогда не признавался Галерием, главой империи, и, в свою очередь, Галерий не признавался в Риме, где господствовал Максенций. Каждый из этих двух князей назначал своих консулов и не принимал назначенных другим. Отсюда множество недоразумений, которые часто очень трудно разъяснить. Здесь не место вдаваться в подобные дискуссии: любопытствующие могут обратиться к г-ну де Тиллемону.

Максимиан, Август по титулу и обладающий бесплодными почестями консулата, который даже не признавался в Риме, недолго оставался у Галерия. В 308 году он вернулся в Галлию, где Константин предоставил ему убежище, еще не научившись не доверять своему тестю и его неисцелимой страсти к власти, которая владела этим честолюбивым стариком. Тот, чтобы поддержать доверчивость зятя, сделал вид, что проявляет умеренность, и во второй раз сложил с себя пурпур. Он рассчитывал таким образом избавиться от всех подозрений и тем вернее восстановить свое положение, чем тише и скрытнее будут его маневры. Легковерие Константина способствовало коварным надеждам Максимиана. Молодой император не только обеспечил тестю жизнь в императорской роскоши в качестве частного лица, но и проявлял к нему крайнюю почтительность: он хотел, чтобы подданные

почитали Максимиана и повиновались ему, и сам подавал им пример, следуя его советам, угадывая его желания, оставляя себе почти лишь почет верховной власти, а ему – ее реальную силу.

Такой щедрый образ действий удовлетворил бы душу, способную к умеренности. Но, как замечает по этому поводу даже оратор, которого я уже не раз цитировал [5], нет даров судьбы, которые могли бы насытить алчность тех, чьи желания не сдерживаются разумом. Они не чувствуют своего счастья, которое делает их лишь неблагодарными; и, вечно полные надежд, вечно лишенные благ, которыми могли бы наслаждаться, они теряют настоящее в погоне за неверным и опасным будущим. Какая разница, добавляет тот же оратор, между Максимианом и его соправителем! Этот божественный муж, который первым разделил власть, которой мог обладать единолично, и первым от нее отказался, не раскаивается в своем решении и не считает потерянным то, что добровольно уступил; поистине счастливый, будучи частным лицом, он видит, как повелители империи воздают ему почести как старшему.

Максимиану потребовалось некоторое время, чтобы устроить все согласно своим замыслам. Таким образом, он оставался спокойным весь 308 год и часть следующего.

В начале 308 года Константин еще пользовался титулом Августа только в провинциях, которые ему подчинялись. Честолюбие другого доставило ему преимущество быть при-

знанным в этом качестве Галерием, а следовательно, и всей империей, за исключением областей, подвластных Максенцию. Максимин, который тремя годами ранее был назначен Цезарем Диоклетианом по представлению Галерия, с яростью увидел возвышение Лициния до ранга Августа. Он считал себя ущемленным, и его жалобы не были лишены оснований. Поскольку он обладал правом старшинства, которое говорило в его пользу, он полагал себя вправе не уступать первенство новичку и написал об этом Галерию, который был крайне раздражен, видя, как его племянник противится его воле. Он возвысил его из ничтожества, рассчитывая на слепое повиновение с его стороны, но, по правде говоря, не заслуживал его. Его собственный пример обратился против него; и после насилия, совершенного им над Диоклетианом, он не имел права жаловаться на отсутствие покорности у своих ставленников. Тем не менее он желал, чтобы ему повиновались, и ответил Максимину, что его распоряжения должны уважаться, а кроме того, возраст Лициния был веским основанием для предпочтения. Максимин настаивал с новой силой: дело перешло в переговоры; и Галерий, начав смягчаться, предложил упразднить титул Цезарей и даровать Максимину и Константину, чье положение было одинаковым, титул сыновей Августов. Эта перемена была иллюзией, которая не устраняла обиды, на которую, как считал Максимин, он имел право. Не сумев добиться справедливости, он взял ее сам. На созванном им собрании своей армии

он был провозглашен Августом и известил об этом Галерия, притворяясь, что произошедшее было делом рук солдат. Я не устаю отмечать, какова тогда была власть военных в римском государстве. Галерий уступил и согласился, чтобы титул и почести Августа были распространены на четырех правителей: его самого, Лициния, Максимина и Константина. Максенций по-прежнему считался мятежником и тираном.

Из этого соглашения, в котором сила играла не меньшую, если не большую роль, чем законы, возник спор о старшинстве между Августами. Галерий, несомненно, был первым; но трое остальных выдвигали взаимно противоречащие права и притязания. Лициний опирался на волю Галерия. Константин был первым из троих, кто носил имя Августа. Максимин ссылался на то, что он был старшим Цезарем. Этот спор разрешили события.

Константин подкреплял новые почести, которыми он был недавно удостоен, новыми подвигами против врагов империи. Франки вновь взялись за оружие и угрожали Галлии новым вторжением. Константину стоило лишь показаться, чтобы остановить их набеги, и это произошло дважды за очень короткий срок. Ибо происки Максимиана Геркулия вынудили молодого принца прервать свой первый поход, что дало франкам возможность возобновить свои действия и заставило его снова выступить против них – и всегда с тем же успехом. Как только он появлялся, все возвращалось к спокойствию; и если его отсутствие вдохновляло эти беспокойные

народы на дерзкие выступления, его неожиданное и быстрое возвращение повергало их в ужас и заставляло разом выпустить оружие из рук.

Его вероломный тесть доставил ему еще более тяжкие тревоги своими домашними интригами, которые, смешавшись, как мы видели, с войной против франков, в конце концов погубили их зачинщика.

При первых известиях о восстании германских племен Константин, готовясь немедленно выступить для их усмирения, получил от Максимиана совет взять с собой лишь небольшую часть войск, как более чем достаточную против таких врагов. Этот совет вполне соответствовал характеру Константина – деятельному, пылкому, исполненному огня и превыше всего ценящему быстроту исполнения. Коварный старец, давая этот совет, руководствовался двойным злым умыслом. С одной стороны, он не терял надежды, что его зять, слабо сопровождаемый, погибнет в каком-нибудь сражении с воинственными племенами; с другой – он рассчитывал привлечь на свою сторону многочисленные войска, которые Константин оставлял в бездействии и которые, не сдерживаемые более присутствием своего принца, были бы более склонны поддаться соблазну. Преследуя эти цели, как только Константин удалился, он принялся вербовать сторонников среди офицеров и солдат; и когда узнал, что тот вступил на вражескую землю, сбросил маску, в третий раз облачился в пурпур, велел провозгласить себя императором и, завладев

казной принца, щедро одарил всех, кто пожелал разделить с ним добычу. Но он не нашел все умы готовыми к этому, и верность многих не поколебали его дары. Это происходило в стране, которую мы называем Провансом.

Константин, находившийся тогда на Рейне, был быстро извещен об этом, и поскольку он уже одержал над франками некоторые успехи, обеспечивавшие ему безопасность с этой стороны, он не медлил ни мгновения, чтобы устранить угрозу, грозившую его гибелью. Рвение его войск равнялось его собственному; любая задержка казалась им ненавистной. С берегов Рейна они сначала двинулись к Шалон-сюр-Сон, не отдыхая на этом долгом марше. Там Константин посадил свои войска на корабли и спустился по Соне и Роне до Арля, где рассчитывал найти Максимиана; но старый честолюбец уже покинул это место. Застигнутый врасплох быстротой Константина и не успев укрепить и увеличить свою партию, он нашел спасение в бегстве в Марсель, где заперся и приготовился к обороне, намереваясь, как говорит Евтропий, выиграть время, чтобы бежать морем в Италию, и надеясь, что звание отца еще доставит ему покровительство Максенция. Вся страна, им покинутая, с радостью вернулась под власть своего законного государя; войска, поддавшиеся соблазну, поспешили возобновить ему свою присягу. Константина любили; и у Максимиана остались лишь солдаты, которых он увел с собой и которые, как показали события, были ему мало преданы.

Константину не составило труда одолеть такого слабого противника. Подойдя к Марселю, он сначала предпринял штурм города; но лестницы оказались слишком коротки, и он велел трубить отступление, сдерживая пыл своих солдат, не знавших преград и считавших для своего мужа ничего невозможным. Видимо, он хотел победить с меньшим риском и меньшими потерями, с помощью своих сторонников в городе: ибо когда Максимиан показался на стене, Константин завел с ним разговор и мягко упрекнул его за его поведение, на что старый император ответил лишь грубой бранью. Пока длилась эта беседа, горожане открыли одни из ворот, через которые внезапно ворвались люди Константина. Максимиан, схваченный на месте, был приведен к ногам победителя, который ограничился словесным выговором и пощадил его жизнь из уважения к родству, их связывавшему. Однако он принял необходимые меры для своей безопасности: лишил несчастного старика императорского пурпура и держал его при себе.

Максимиан оставался спокойным до конца 309 года, к которому, видимо, относится безумная затея, о которой я только что рассказал; но покой был для него мучителен. Уже в следующем, 310 году от Р. Х., он замыслил новое предательство, еще чернее предыдущего, которое наконец навлекло на него смерть, которой он искал.

Слепое злодейство и безнаказанность первых преступлений – приманка, толкающая дурное сердце на новые. Мак-

симиан был достаточно злодейски и безумен, чтобы уговаривать свою дочь предать Константина его ярости. Мольбами, ласками, лестными обещаниями он старался склонить ее оставить ночью открытой спальню, где лежал император, и удалить стражу. Фауста оказалась в большом затруднении. С одной стороны, она, без сомнения, боялась гнева отца, если откажется исполнить его требование; с другой – была твердо решина не предавать мужа. Она обещала сделать, что от нее требовали, и обо всем рассказала Константину. Они условились устроить так, чтобы изобличить преступника и поймать его на месте. Для этого на ложе императора положили евнуха, которого не боялись пожертвовать; кажущаяся небрежность во всем покое как бы приглашала убийцу. Действительно, в полночь Максимиан поднялся и, видя стражу либо спящей, либо нерадивой, не усомнился, что Фауста сдержала слово. Он приблизился, подошел к ложу, убил того, кто на нем лежал, и, полагая, что убил Константина, уже предался взрывам радости, когда появился Константин в окружении вооруженных людей. Легко представить, каков был ужас преступника. Немая ярость сковала его. Он сам лишил себя всех средств защиты и не мог более надеяться на милость. Константин счел достаточным предоставить ему свободный выбор способа смерти; и Максимиан окончил веревкой, которой сам себя задушил, жизнь, запятнанную преступлениями. Ему было шестьдесят лет, и погиб он в Марселе.

Такова была позорная катастрофа принца, царствовавшего славно почти двадцать лет. Пока им руководил Диоклетиан, он пользовался счастливой и блистательной судьбой. Предоставленный самому себе, он прожил жизнь, сплошь состоявшую из безрассудных предприятий, преступлений и несчастий. Великая похвала мудрости того, чей авторитет и советы удерживали в границах характер, склонный ко всяким крайностям.

Максенций, желая казаться опечаленным смертью, которая, вероятно, была для него поводом для радости, приказал обожествить Максимиана и возвел в боги этого князя, ненавидимого небом и землей. Константин не оспаривал у него погребальных почестей и даже воздвиг ему великолепную гробницу. Считалось, что в 1054 году эту гробницу обнаружили в Марселе. Ее вскрыли, и тело, найденное нетленным, было брошено в море по совету Рамбо, архиепископа Арля.

Довольно странно, что Константин, одновременно с тем, как устраивал Максимиану почетное погребение, везде приказывал сбрасывать его статуи и уничтожать его изображения. Это действие, само по себе отвратительное, становилось еще более гнусным из-за того, что оскорбление падало и на Диоклетиана, чьи статуи и изображения обычно сопровождали статуи его соправителя. Мне кажется, Константин проявил бы больше великодушия, если бы пощадил памятники Максимиана ради Диоклетиана, чем вовлекая в общую немилость своего благодетеля вместе со своим врагом.

Смерть Максимиана относится к 310 году. Он был жестоким гонителем христиан и, как мы уже отмечали, начал преследовать их задолго до того, как эдикт Диоклетиана сделал это своего рода законом. Как первый из гонителей, он и погиб первым, со всеми знаками Божественного возмездия. Галерий вскоре последовал за ним. Он был главным виновником войны, торжественно объявленной слугам Божьим, и Бог покарал его непосредственно, не прибегая к посредничеству людей.

Этот князь, полный сознания своего величия, меньше всего думал о суровом наказании, которое ему угрожало. В начале 310 года он занимался подготовкой к празднованию двадцатилетия своего правления, которое намеревался отпраздновать 1 марта 312 года. И словно радости государя должны были обернуться несчастьем для народа, он не останавливался ни перед каким насилием над подданными, чтобы собрать огромные суммы и тем самым обеспечить великолепие своих виценналий. Мы уже видели, к каким поборам привела перепись, проведенная им по всей империи. Новый налог взимался с той же жестокостью. Повсюду солдаты, скорее исполнявшие роль палачей, вымогали деньги. Напрасно несчастные налогоплательщики ссылались на свою бедность – им приходилось либо терпеть невыносимые мучения, либо немедленно платить то, чего у них не было. Ни один гумн не оставался без безжалостного сборщика, ни один виноградник – без сторожа. Земледельцев и виногра-

дарей, чей труд давал другим пищу и питье, доводили до голодной смерти. Помимо плодов земли, требовали еще золото, серебро и драгоценные ткани для украшения зрелищ, так что, лишая несчастных подданных империи естественных богатств и всех средств к существованию, от них тем не менее требовали то, чего они уже не могли добыть. Галерий разорял ради пустых забав всех, кому не посчастливилось подчиняться его законам. Но христианам, кроме того, приходилось терпеть жестокие гонения, длившиеся уже семь лет и с каждым днем становившиеся все более свирепыми.

Наконец, Бог отомстил этому непримиримому врагу Своего культа и поразил его неизлечимой болезнью, место поражения которой заставляет думать, что она была вызвана, как я уже отмечал, развратом. Евсевий и особенно Лактанций [6] оставили нам описание этой ужасной болезни. Я ограничусь лишь замечанием, что мучения были долгими, все искусство врачей и все хирургические операции оказались бесполезны; гниение проникло во внутренности, откуда выходило несметное количество червей, и даже облик больного стал чудовищным. Выше пояса он иссох до скелета, а нижняя часть тела так распухла, что нельзя было различить ни ног, ни ступней, и казалось, будто видишь надутую бурдюк.

Несчастный князь, испытывая невероятные страдания, сначала проявил свою обычную жестокость. В награду за услуги, оказанные ему врачами и хирургами, он приказал казнить нескольких из них и продолжал преследовать

христиан с прежней яростью. Однако долгая болезнь, длившаяся целый год, в конце концов сломила его и пробудила в нем раскаяние за жестокости, совершенные против стольких невинных. Руфин сообщает, что один из его врачей, несомненно христианин, помог ему прийти к этому размышлению, смело указав, что его болезнь – явная Божья кара, не поддающаяся человеческим лекарствам; что он давно ведет войну против слуг Божьих, и потому Бог простер на него Свою десницу. Галерий не мог полностью отвергнуть эту мысль, которую подтверждала невыносимость его страданий. Подобно новому Антиоху, он испытал некое подобие раскаяния, но менее глубокое и искреннее, чем у этого древнего преступника. Его гордость не позволила ему полностью признать свою вину, и, издав эдикт о прекращении гонений, он хотел сохранить честь своего прежнего поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.